

Мария Аксенова
Бюджет весна

Рассеянные солнечные лучи переплетались с собственными отблесками, отразившимися от слежавшегося снега и бьющими обратно в небесную высь. Теплые огоньки солнечных зайчиков осторожно пробирались в комнату, запрыгивали в пространство незанавешенного окна и скользили по окрашенной парте, ложились на гладкую поверхность массивного комода без одной ручки и медленно крались по простыне, чтобы поиграть и задорно пощекотать веснушчатый Ксюшкин нос.

Ксюша поморщилась, широко зевнула, потерла сонные глаза и прислушалась. Утро давно наступило, и бабушка на кухне всю шумела без зазрения совести. Сладкие ароматы куличей плавно втекали

в детскую. Ксюша сглотнула слюну и заторопилась на кухню.

— С добрым утром, бабушка! А пасхальный кролик будет? — Радостно оглядев расписное праздничное изобилие на столе, Ксюша поспешила отщипнуть край стынувшей слобной булки, щедро политой глазурью и обсыпанной конфетти.

— Вот тебе и пасхальный кролик. — Бабушка вынула из духовки яблочный пирог в форме милого крольчонка.

На узорчатой пасхальной скатерти уже ждала приготовленная для горячей выпечки подставка, на которой когда-то давно дедушка выжигал паяльником заветные буквы «ХВ», и тонкие веточки нераспустившейся вербы. Ксюша принялась к яблочно-кремовым ароматам и довольно зажмурилась, протянув нарочитое «М-м-м!». Бабушка по-доброму улыбнулась и достала старенькое, треснутое сбоку сито, чтобы присыпать верхушку пирога сахарной пудрой.

— Первый кусочек мой! — Ксюша нетерпеливо ущипнула размашистый заячий ус, который по толщине напоминал макаронину — бабушка, по обычаю, на славу постаралась с деталями. — Ай! — Ксюша отдернула обожженную ладонь и схватилась за мочку уха, как учила бабушка.

— Ксюня! Ну что же ты?! Он ведь горячий, — укорила бабушка, разведя руками и хлопнув себя

по пышным бокам. — Да и ты к праздничному столу в пижаме, неумытая, непричесанная идешь! Ну куда это годится?! Марш приводить себя в порядок.

— Я мигом, бабуль!

Ксюша поскакала в ванную, радостно подпрыгивая то на одной, то на другой ножке.

— Христосоваться к тете Томе пойдем, — вдогонку добавила бабушка, укутывая пирог в новенькую светло-голубую салфетку, края которой украшали пухлощекие кудрявые ангелы, натужно выдувающие мелодии из золотистых горнов.

— К тете Томе? — уныло протянула Ксюша. Радость ее улетучилась и растворилась, как пар с остывающих булок. — Ба, можно я тогда дома останусь? Вы опять три часа будете сельские новости пересказывать, а мне что делать? Радио ее слушать? Надоехло... Не хочу я к ней в гости...

— Некрасиво, Ксения, — покачала головой бабушка и цокнула: — Надо проведать. Она старенькая. Возьмем пирог, крашенки, посидим, чаю попьем вместе. Мы поговорим, а ты с внуком ее познакомишься...

— С каким еще внуком? — заунывно перебила Ксюша.

— Внук к ней приехал. Из Хабаровска. Поживет пока у нее. В школу нашу его определили. Авось

подружитесь. Правда, он постарше тебя, года на два или три, не помню.

— И чего он из Хабаровска в нашей глуши забыл? — недовольно брюзжала Ксюша, распутывая косу, которую поленилась расплести вчера перед сном, и теперь на голове ее торчала лохматая сосулина из спутанных завитков. — У него что, мама тоже по командировкам?

Бабушка как-то неохотно хмыкнула и отвернулась, копаясь с пирогами и булками. Ксюша вернулась в спальню, чтобы сменить пижаму на домашнюю тунику и джинсовые шорты и вырвать листок из календаря. Ксюша ответственно следила за наступлением новой даты, потому что мама уезжала надолго. На Севере хорошо платили вахтовикам, как в разговоре с соседками рассказывала бабушка. «Поэтому мама выбирает работу, а не семью», — мысленно сгоряча добавляла Ксюша, подслушивая взрослые толки. И хотя бабушка и объясняла внучке, что мать работает, чтобы обеспечить Ксюше приличное будущее и оплатить институт, Ксюша обижалась, не хотела понимать взрослых намерений и искать в расставаниях глубокий смысл. В материнских отъездах она видела только нелюбовь и равнодушие к ней. Ксюша скучала и продолжала надеяться, что мама передумает и подыщет работу ближе к дому. И, обводя в календаре намеченную дату приезда

и отрывая очередной листок, Ксюша украдкой радовалась, что календарь истощается и приближает их встречу.

— Девятнадцатое апреля, — хмуро прочла Ксюша воскресные цифры и поплелась на кухню.

На чай бабушка собиралась порядночно, будто предстояло трехдневное чаепитие: столько съестного в корзинку набрала. Ксюша цокнула и закатила глаза, недовольно заметив, что пирог чуть попробуют и назад понесут, а булки и вовсе останутся нетронутыми. Да и тетя Тома в придачу свой фирменный рулет выдаст, с изюмом и маком. Ксюша терпеть не могла маковую выпечку, но бабушка, благодаря за угощение, зачем-то норовила соврать, что рулет этот Ксюшкин любимый, вечером с молоком слопает за милую душу.

Тетя Тома жила этажом ниже. В ее квартире царил полумрак, пахло ладаном и резкими приторными духами. Ксюша удивилась тому, что в это утро в квартире бабушкиной подружки было светло и проветрено. Желтый абажур на длинной металлической ноге был выключен и убран в угол за ненадобностью — в комнате горел свет, а окна были вымыты и расшторены.

Бабушка и тетя Тома беззаботно болтали, а Ксюша и приехавший внук сидели молча, медленно потягивая настоявшийся на шиповнике отвар и поглощая

сахарные верхушки куличей. Ксюша тухла от скуки и от стеснения, она не поднимала взгляда от тарелки и была несказанно рада, когда разговоры затронули неудобные темы, взрослые переглянулись, шепнули что-то друг дружке и, ссылаясь на сытость детей, отправили их пообщаться или поиграть.

— Теперь это твоя комната? — без эмоций спросила Ксюша, следуя за мальчиком.

Это единственное, что пришло ей в голову, но настроение ее изменилось, стоило переступить порог спальни. В комнате стало просторнее и уютнее. Уродливое черное кресло с заплатанной обивкой вынесли, а вместо широкого платяного шкафа, занимающего всю стену, стоял простенький стеллаж, на котором, точно музейные экспонаты, располагались бумажные модели истребителей, крейсеров и танков; скромная стопка журналов о путешествиях и небольшая коллекция пластмассовых супергероев с плохо прорисованными лицами. Над кроватью висела парочка плакатов с героями «Охотников за привидениями», а рядом на двойных тетрадных листках нарисованные покемоны и черепашки-ниндзя.

— Ого! Это ты нарисовал? — Ксюша подошла ближе и провела ладошкой по зеленому персонажу в маске, бумажное тело которого от раскрашивания

ручкой истончилось и норовило порваться. — Я тоже их люблю.

— Срисовал, — пояснил он и, покраснев, выдавил: — А как тебя зовут?

И правда, бабушки так радовались пасхальным традициям, новым скатертям, куличам и удавшимся кроличьим усам и лапкам, что забыли познакомиться внуков.

— Ксюша. А тебя?

— Денис.

— Бабушка сказала, что ты в нашей школе будешь учиться. Навсегда?

— Не знаю. — Голос Дениса потух, будто Ксюша спросила о чем-то болезненном. — А ты в каком классе?

— В третьем «Б», а ты?

— В пятом «А».

— Познакомился уже с кем-нибудь?

Он отрицательно помотал головой.

«Какой странный, — подумала Ксюша, — скромный, застенчивый — не сравнить с мальчишками из класса, да и вообще из школы. Те бы уж давно понесли во двор с дикими воплями и дурным гоготом, устроили бы бои без правил или догонялки, на худой конец, собрались бы на “колесе” — на огромной белазной шине, которая была во дворе подобием круглой дружеской скамейки, где тусовались

местные хулиганы, травили истории о собственных чересчур смелых происшествиях, а по вечерам выносили гитару и горланили песни Цоя. Хотя, наверное, Денис пока не успел познакомиться со сверстниками и потому чувствовал себя скованно...» Ксюша представила, как он носится под окнами и стреляет из палки, заигравшись в войнушку с Кириллом из соседнего подъезда и Славкой из пятого дома.

— Получается, тебе уже десять? — Ксюша взяла с полки кубик Рубика и присела с ним на край кровати.

— Одиннадцать, — поправил Денис, наблюдая, как Ксюша пытается угадать повороты цветных комбинаций.

— А ты не врешь? — не отрываясь от головоломки, спросила Ксюша.

Ей бросилось в глаза, что роста они с Денисом были одинакового.

— А зачем мне врать? — пожал плечами Денис.

— Не знаю, — хмыкнула Ксюша и, оставив кубик на кровати, подошла к окну.

Денис схватил головоломку, недолго повертел ее в руках и поставил на подоконник перед Ксюшей уже собранной.

Ксюша расплылась в удивленной улыбке.

— Круто! — восторженно похвалила она, рассматривая бок из оранжевых квадратиков.

— Не-е, круто — это когда все стороны собраны, — отмахнулся Денис, — а я пока только одну могу. Ты в шахматы умеешь?

Он подставил табуретку и достал с верхней полки стеллажа поцарапанную и затертую шахматную доску.

Ксюша помотала головой:

— Мы с бабушкой обычно в шашки играем. Ну или в карты — в дурака.

— Я тебя научу, хочешь?

Ксюша кивнула из вежливости: она и подумать не могла, что шахматная партия сложится в долгую и интересную историю, а история обернется дружбой или чем-то бóльшим. Они играли, забыв о времени. Бабушка давно вернулась домой, прихватив маковый рулет и остатки пирога, а Ксюша старательно пыталась запомнить траектории, по которым двигаются слон и ладья, как рубит пешка, пыталась представить и продумать ходы наперед. Денис ловко переставлял фигуры в свой ход и шустро подсказывал Ксюше ее варианты. Было трудно и одновременно смешно, а в другой раз Ксюше казалось, что Денис мухлюет или выдумывает правила на ходу, но, когда он помогал и подсказывал ей новый следующий шаг, она смячалась и гордилась, что обошла его в очередной партии, не преминув озорно подчеркнуть, что она уже научилась и что победа — дело ее собственных рук.

Денис хихикал и продолжал подсказывать. Играли и болтали, позабыв о времени, пока тетя Тома не позвала обедать. Обед, сопровождаемый бесконечным разговором, перетек в прогулку. Апрель в деревне был холодным, снег не торопился таять, но осмелевшее солнце уже украшало козырьки подъездов, края металлических крыш гаражей и широкие оконные отливы сияющими гирляндами из остроносых сосуллек.

— Держи. — Ксюша забралась на притоптанный сугроб и, отломив тонкую ледяную трубочку, протянула ее Денису.

— Ты чего? Горло заболит, — снисходительно покосился он, когда Ксюша потянулась за второй сосулькой — для себя.

— А ты медленно грызи, чтобы горло не успело простыть, — серьезно заметила Ксюша, сжимая лед в варежках.

Они смеялись, придумывали добрые и забавные глупости, катались с подтаявшей горки, лепили снеговика из уже смешанного с землей снега, хохоча и называя его нелепую фигуру «грязевиком». Когда Ксюша замерзла, Денис снял ее варежки и крепко сжал ее ледяные пальцы в своих горячих ладонях. Ксюша подумала: хорошо, что ее щеки и без того были красными от морозного ветра и Денис не узнал, как в эту секунду обдало жаром ее лицо и уши.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

[Смотреть книгу](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

